

Слово и есть время...

Ушел Эльчин. Как будто свет погас...

Такое чувство рождается всегда, когда уходят близкие по духу люди, не важно, знал ли ты их лично, или вообще никогда не встречался, но их слово, их мысли, краски и образы стали частью тебя, твоей жизни.

Не примириться с творческими утратами за минувшие несколько лет: Юрий Бондарев, Эдуард Лимонов, Кэндзабуро Оэ, Рустам Ибрагимбеков, Марио Варгас Льюса... И вот - Эльчин... Сознательно не называю ни регалий, ни званий, ни стран, откуда они вошли в Большую литературу, ведь самое главное - их книги, такие разные, переведенные на многие языки. Они нашли своего читателя, без чего и литературы не существовало бы.

Как говорил в 2010 году в Нобелевской лекции «Похвала чтению и литературе» Варгас Льюса: *«Литература - ложь, ставшая правдой в нас, читателях, преобразованных, зараженных стремлениями и благодаря воображению постоянно подвергающих сомнению серую реальность»*. Эльчин по-своему видел миссию писательского труда: «Литература не в силах спасти все человечество, но она может помочь одному человеку...» Сего гуманистическим настроением иначе и быть не могло. «Легкий и добрый сказочник», по точному определению критика Л. Аннинского, он своим творческим воображением вносил в обыденную, «серую реальность» «мерцающие, золотистые, серебристые краски...».

В его прозе подкупало и служило духовным спасением для читателя «возвышение, воспарение, очищение от повседневного», пусть и писал он, порой, о драматических и сложных моментах истории, о непростых человеческих судьбах, тонкой кистью мастера открывая проблески трансцендентного в личном или коллективном опыте своих героев.

Эльчин ступил на писательскую стезю очень рано, в 16 лет был опубликован его первый рассказ. И в дальнейшем - все, что выходило из-под пера талантливого прозаика и драматурга, прорывалось сквозь рамки условностей «времени и пространства», писалось не на злобу дня, пусть даже самую актуальную, а без дидактики и пафоса вело читателя к темам вечным, нетленным, можно сказать, шекспировского масштаба.

В самых известных произведениях Эльчина, в частности, «Махмуд и Мариам», «Белый верблюд», «Смертный приговор», «Я еще вернусь», «Голова», в лучших повестях и рассказах - «В снегу», «Отчаяние лисы», «Шушу туман окутал», «История одной встречи», «Смоковница», «Кумган», «Волки» в драматургии и в советскую эпоху, и много позднее всегда ощущалось нечто, не укладывающееся в привычные каноны или идеологические установки. Это касалось выбора тем, сюжетов для повестей и рассказов, и самой стилистики, ткани повествования. Но, наверное, главное в нем, что привлекало читателей, вызывало их отклик

на его книги - это то, о чем как-то заметил Иосиф Бродский: «Писатель - дерево, которое отталкивается от почвы».

Слово Эльчина исходило от почвы и вело за собой дальше и выше, преодолевая любые барьеры и границы... Призывало увидеть мир в его подлинной сути и глубине, одновременно пробуждая тягу к мечте. Многие, писавшие об Эльчине, выделяют у него это редкое ныне свойство. Но, как замечает сам Эльчин в одном из своих эссе, опубликованных в «Литературной газете», писатель по природе своей - самый большой мечтатель. Литературная почва, взрастившая талант Эльчина, при всем ее многообразии, отмечена именами и великих русских классиков - Чехова, Толстого, Шолохова. В своих литературных дневниках «Время и Слово» Эльчин не раз признается в любви к русской словесности.

Перечитывая эти дневниковые записи, ощущаешь, как тебя постепенно охватывают удивительные чувства радости, нравственного удовлетворения и сопричастности тому великому и непреходящему, что именует Литературой. Именно так - с большой буквы, с огромным уважением и любовью относится писатель Эльчин к персонажам, произведениям, а также к создавшим эти персонажи и произведения бессмертным именам своих творческих прародителей. В дневниках Эльчин обращается к ним не однажды, размышляя над тайнами их великих творений. В одной из записей он даже признается, что порой видит своих любимых героев во сне, встречается с ними как со старыми добрыми знакомыми: Анной Карениной Толстого, королем Лиром Шекспира, Дон-Кихотом Сервантеса, Аксиньей Шолохова.

Ушел Эльчин... А я по-прежнему вижу его, тихо открывающего дверь в мой кабинет на шестом этаже в «Литературной Газете», где

работала в 80-е и 90-е годы. Деликатный, сосредоточенный, он, уже известный писатель, всякий раз, как будто смущаясь, вручал свое новое творческое детище. Вот и сейчас - принес рассказ, который сразу хочется прочесть и обсудить с ним, потому что заранее знаешь: каждое новое его произведение обязательно принесет открытие, эмоциональное или психологическое, поразит неожиданностью поступков персонажей, парадоксальностью замысла.

Помнится, в те взбаламученные годы шли жаркие споры о будущем литературы. «ЛГ» публиковала дискуссионные статьи на эту тему. Бушевали писатели, срывали голоса, пытались предсказать те перспективы, которые, как многим казалось, открывались в новой, свободной от «измов» реальности... кто-то пророчил, что место серьезной литературы теперь окажется на обочине, массовые вкусы, желания развлечений и легкого чтения будут задавать тон для издателей и литераторов...

Эльчин как глубокий омут с чистой прозрачной водой оставался невозмутим. «Время бессильно перед книгой»... А, «может, Слово и есть Время?» - задается вопросом писатель. И, конечно, знает ответ на него.

Коммерция, легкое чтение? Это не про Эльчина. Он верил в своего читателя.

Вначале действительно было Слово. Приобщаясь к Слову, погружаясь в его магию и глубины, человек становится ближе к Создателю. Именно здесь кроется одна из загадок божественной сути Слова, гимном которому является творчество Эльчина, обретающее после его ухода новый огромный смысл - завета искать правду и подлинность среди обманок и обольстительных фантомов мира сего.

Людмила ЛАВРОВА

Москва